



DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-426-438

## Несправедливая справедливость, или как социальный активизм разрушает идеи равенства и «хорошего общества»\*

И.В. Троцук

Российский университет дружбы народов  
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия  
Российская академия народного хозяйства и государственной службы  
при Президенте РФ  
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия  
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

**Аннотация.** Статья представляет собой рецензию на книгу Дугласа Мюррея «Безумие толпы. Как мир сошел с ума от толерантности и попыток угодить всем» (Пер. с англ. Н.А. Ломтевой; М.: РИПОЛ классик, 2021. 480 с.). Хотя это не следует из названия (как и в аналогичной по тематике и оценочности работе Х. Плакроуз и Дж. Линдси «Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого»), книга посвящена идее социальной справедливости — тем ее трансформациям, что обусловлены размыванием границ между академическими исследованиями и социальным активизмом, частной и публичной жизнью, прошлым и настоящим (в их медийной репрезентации). В книге на примере нескольких макрокейсов, характерных и очевидных для западного общества, но хорошо знакомых российскому читателю по медийной риторике, рассмотрены последствия для «объективного» состояния справедливости радикального изменения ее трактовки с идеалистически-философских (социальный уровень) на карательно-политизированные (уровень групп и сообществ, включая личную ответственность).

**Ключевые слова:** справедливость; теории справедливости; справедливое общество; проблема неравенства; борьба за права; «новая религия справедливости»; дискурс; феминизм; расизм; гендер

Слово «справедливость» и ее производные насыщены политическими коннотациями и одновременно выступают аргументом в повседневных спорах, что затрудняет теоретическую и эмпирическую работу социолога с этой группой понятий. Проблема эта не нова — большинство работ о справедливости ссылаются на учение Платона об идеальном государстве как основанном на величайшем благе — справедливости — и предотвращающем многочисленные несправедливости. Вряд ли кто-то сегодня откажется от подобной идеализации, и в целом «заявления о смерти идеи справедливости являются

---

\* © Троцук И.В., 2022

Статья поступила в редакцию 01.02.2022 г. Статья принята к публикации 07.04.2022 г.

преждевременными, ибо идея эта сегодня воспринимается вполне неплохо» [11. С. 381]: судя по опросам общественного мнения, справедливость выступает критерием оценки разных аспектов современной жизни (оплата труда, распределение национальных богатств, доступ к образованию, система налогообложения и др.) и состояния общества в статичной (трактовки справедливости) и динамичной (изменения ее уровня) перспективах.

В научной литературе сложились разные подходы к определению справедливости: например, П. Штомпка [11. С. 384] выделяет три уровня ее проявления — общий нравственный ориентир (морально-правовой дискурс), кодифицированная норма (законы и кодексы) и признак социальных отношений (степень реализации ориентиров и норм). В социальных науках можно выделить два направления дискуссий о социальной справедливости: либо она выступает вспомогательной категорией для обоснования авторской концепции (скажем, исторической типологии обществ по критерию «социально-справедливых» типов неравенства и видов насилия [3]) или масштабной реконструкции эволюции западной цивилизации — как основанной на сосуществовании разных форм справедливости и нарастании кодификации правовых и этических норм [5]); либо речь идет о создании идеальной политико-философской модели справедливости — чтобы выносить обоснованные и практико-ориентированные публичные суждения о сравнительной справедливости и борьбе с несправедливостью [7]). Теории справедливости объединяет общее стремление — понять, как можно улучшить жизнь людей, т.е. «что можно сделать в плане практического рассуждения о справедливости и несправедливости... общее стремление к справедливости в человеческом обществе... не так-то просто искоренить, пусть даже стремиться к осуществлению справедливости мы можем разными способами» [7. С. 517–518]. Многие исследователи возлагают на человека личную ответственность за сохранение и укрепление справедливости — своими решениями и поведенческими выборами, т.е. запрещают нам прятаться за институциональными недостатками и системными ограничениями.

В последние десятилетия нейтральные академические высказывания о личной ответственности за справедливое устройство общества обрели обвинительный оттенок, и этот стигматизирующий дискурс распространился на всю социальную действительность, радикально трансформируя многие ее черты (в ряде западных обществ). Источником подобных изменений стала «россыпь критических теорий, возникших в ходе постмодернистского поворота с его проблематизацией власти, знания и истины» — в результате «ничто не может укрыться от активистов, задавших миссией выявить и уничтожить любые формы угнетения», однако, «несмотря на благое желание сделать мир чуточку справедливее, критические теории с их практически религиозным рвением и черно-белым восприятием мира представляют угрозу как для академии, так и для общества» [4. С. 4]. Декларативно все радикально-практиче-

ские теории служат делу социальной справедливости (политика идентичности и политическая корректность), но реально «сбивают с толку и противоречат здравому смыслу в контексте культуры, привыкшей ставить на первое место человеческое достоинство и поэтому ценить доверительные интерпретации и терпимость к широкому спектру взглядов» [4. С. 14].

Согласно аннотации, в «Безумии толпы» Д. Мюррей «исследует опасности “культуры отмены” и роста политики идентичности, которые все чаще становятся не способом защитить угнетенных, а инструментом наказания несогласных», обращаясь к «таким противоречивым вопросам современности, как сексуальность, пол, раса и влияние технологий на наше поведение в Интернете», и утверждая, что «нам следует заново научиться прощению и состраданию» (С. 6). Поиски «здорового смысла в хаосе сложных моральных дилемм современности» Мюррей ведет, опираясь именно на понятие справедливости, а не многочисленные общеизвестные теории толп или массового общества. Книга представляет собой набор убедительных кейсов (исключительно из западной жизни), призванных подтвердить, что «мы проходим через великое безумие толпы. На публике и в частной жизни, как в Интернете, так и вне его, люди ведут себя все более иррационально, лихорадочно, стадно и попросту неприятно. Ежедневный поток новостей полон последствий этого поведения. Тем не менее, хоть мы и видим повсюду симптомы, мы не видим причин» (С. 7).

Поиск причин Мюррей начинает с объяснения истоков нынешнего состояния — это крах великих нарративов [2] (другие авторы говорят о «прикладном повороте постмодернизма» [4]), и Мюррей датирует его зарождение крахом секуляризации в XIX веке. За ним последовало разрушение политических идеологий и постмодернистское подозрительное отношение ко всем великим нарративам, которые, «несмотря на свое несовершенство, по крайней мере наделяли жизнь смыслом» — «в постмодернистский вакуум начали влезать новые идеи — с намерением привнести свои собственные объяснения и смыслы» (С. 8). Результатом стало «внедрение новой метафизики» (религии или идеологии), которая «более заинтересована в продвижении того, что должно, нежели в беспристрастных оценках того, что есть» [4. С. 60]), «интерпретирует мир сквозь призму “социальной справедливости”» и «не подразумевает оппозиции к себе. “Вы против социальной справедливости? Вы что, хотите социальной несправедливости?”» (С. 10). В качестве примера во Введении приведена политика идентичности — «она разделяет общество на различные группы интересов в соответствии с полом (гендером), расой, сексуальными предпочтениями и т.д. Она предполагает, что такие характеристики являются главными или единственными релевантными атрибутами своих носителей... и живые, и мертвые люди должны занимать здесь правильную сторону» (С. 10–11) (отсюда, например, снос памятников тем, кто сегодня объявлен принявшим неверную сторону).

Хотя подобное использование понятия «социальная справедливость» размыкает его и без того неустойчивые концептуальные трактовки, Мюррей точно описывает логику создания вокруг него «новой идеологии» — в духе критического дискурс-анализа [9; 10]: превращение в мейнстримные прежде малоизвестных слов («ЛГБТК», «белая привилегия», «трансфобия», «токсичная маскулинность»); формирование новой терминологии («триггерить», «ощущать себя не в безопасности»); легитимация новой риторики («неправильное поведение» влечет стигматизацию — «гомофоб», «сексист», «мизогин», «расист», «трансфоб» и т.д.) — они обостряют существующие разногласия и создают все новые, вместо того чтобы снижать уровень социальной напряженности и повышать социальную солидарность (такие цели продолжают декларировать все государства и институции, принимающие на вооружение «новую идеологию»).

Книга Мюррея легко читается и имеет отчетливый научно-популярный характер, но при этом порождает массу концептуально-категориальных ассоциаций. Например, когда автор говорит о нарастании социальных разногласий (аномии скорее в дюркгеймовском, чем в мертоновском смысле) — «вместо того, чтобы показать, как мы все можем ладить друг с другом, уроки, преподнесенные последним десятилетием, похоже, обостряют ощущение того, что в действительности мы довольно плохо друг с другом уживаемся» (С. 13–14), по сути, речь идет об отказе от «традиционного» общественно-го договора и попытках перезаключить его на иных основаниях. Утверждая, что современная культура постоянно ставит нам подножки, Мюррей имеет в виду суперскоростные изменения сути и результатов прежде «чрезвычайно успешной борьбы против ужасных несправедливостей истории» — «то, что еще вчера едва обсуждалось, сегодня стало тем, что способно разрушить жизнь человека»: как только движение за права человека в Америке, казалось бы, приблизилось к долгожданному итогу, «все стало казаться лучше, чем когда-либо прежде, риторика сменилась: согласно ей, дела никогда еще не обстояли хуже» (С. 16). Более того, оправданные объективными несправедливостями кампании по защите прав неожиданно отклонились от поисков равенства к определению того, кто «лучше» — это только тот «добродетельный» человек, кто многословно, постоянно и публично признается в лояльности новой системе («антирасист», «союзник ЛГБТ-сообщества», «феминист»).

Мюррей приводит два метафорических объяснения происходящего: рыцарь, убивший дракона, жаждет новых славных сражений, поэтому продолжает размахивать мечом в воздухе, борясь с воображаемыми драконами; многие хотят занять места на баррикадах (оставшихся после относительно успешно завершившейся борьбы за равные права), хотя революция уже закончилась (С. 19).

С тем, как книга затрагивает проблематику социальной справедливости, читатель разбирается к 19 странице, а вопрос о безумии толпы проясняется

к 21. Мюррей считает сумасшествием попытки заставить человека поверить в то, что «не существует разницы между гомосексуальностью и гетеросексуальностью, мужчинами и женщинами, расизмом и антирасизмом», но это «сумасшествие (безумие толпы) — то, в центре чего мы оказались, и то, из чего нам нужно найти выход» (С. 21).

Основное содержание книги — это разбор нескольких «кейсов», наглядно иллюстрирующих происходящее. Речь идет преимущественно об американском обществе, где Мюррей выделяет четыре макрокейса (названия соответствующих глав мало информативны и провокативны): «геи», «женщины», «раса» и «транс» (набор макрокейсов может быть иным, включая постколониализм, квир-теорию, исследования инвалидности и полноты [4]). В первой главе Мюррей утверждает, что весьма показательно, как люди и социальные движения ведут себя в зените славы — когда добились победы: «Позволите ли вы сопернику использовать те же инструменты, которые привели вас к победе? Терпимость и толерантность — это принципы или лишь фиговые листки? Будут ли те, кто подвергался цензуре, цензурировать других, если у них будет такая возможность?» (С. 32). Так, применительно к гей-сообществу можно говорить о нарушении им тех идей, которые лежали в основе борьбы за права геев: во-первых, принципа «никого не касается, чем занимаются взрослые люди добровольно и за закрытыми дверями» (С. 33); во-вторых, в большинстве западных обществ отношение к геям сменилось с «морального порицания к высказыванию порицания любому, чьи взгляды хоть немного выступают за рамки новоприобретенного мышления» (например, гомофобные взгляды школьников позволено называть экстремизмом — С. 36).

Мюррей ссылается на книгу Дж.С. Милля «О свободе», в которой еще в 1859 году была объяснена необходимость свободы слова: противоположное мнение может быть верным полностью или частично, но оно важно для корректировки нашей ошибочной позиции; если противоположное мнение ложно, оно помогает избежать невежественного догматизма, которое, в отсутствие себе противоречий, может выродиться в бессмыслицу. Кроме того, в отношении сексуальной ориентации пока недостаточно научных знаний (появляются подтверждения ее пластичности, но ни генетики, ни философы однозначных определений причин гомосексуальности не дали), но в качестве единственно верных были приняты более догматические предположения (геями рождаются, это естественное состояние и точка невозврата), чем те, которые они сменили (однополые предпочтения — следствие «внушения»). В результате мы оказались в менее справедливо устроенном мире, чем прежде: поддержка легализации однополых браков становится обязательным условием получения гражданства; масса «гей-сюжетов» заполонила все категории новостей — это выглядит как «наверстывание упущенного времени или просто стремление ткнуть этим в лицо тем, кто не поспекает за стремитель-

но меняющимися устоями. В любом случае в воздухе витает нечто странное и отдающее карательными настроениями» (С. 43).

Вывод Мюррея имеет обобщающий характер: «Один из основополагающих для современной морали тезисов — осознание того, что нельзя наказывать, унижать и смотреть свысока на людей за те характеристики, над которыми они не властны» (общественные настроения переменял переход от идеи, что гомосексуальность — приобретенное свойство, к идее, что она врожденная) (С. 54). «Современные люди с большим сочувствием относятся к поведению, которое не может поддаваться изменению, но мы все еще довольно критичны и находим сомнительным стиль жизни, который считаем свободным выбором человека, особенно если это поведение причиняет неудобства окружающим» (С. 55).

Казалось бы, если все обстоит настолько хорошо (по крайней мере «в западных демократиях»), то в чем тогда проблема? Во-первых, за каждой буквой аббревиатуры ЛГБТ стоят сообщества, у которых мало общего со всеми остальными. Например, даже на вопрос, «являются ли геи точно такими же, как все другие люди, за исключением одной-единственной характеристики», есть как минимум два ответа: являются и потому должны обладать всеми правами гетеросексуалов (путь к добропорядочности через нормализацию); нет, не являются, поэтому должны нарушать привычные правила жизни, а не пытаться приспособиться к ним (С. 67). Во-вторых, «колонны людей, одетых в фетиш-одежду на “гей-парадах”, отталкивают своим видом от любой из тех целей, которые они преследуют. Если бы участники движения за права чернокожих нарядились так, их правоту было бы проще игнорировать» (С. 71). В-третьих, борьба геев за равенство прав выглядит так, будто многие из них «хотят быть равными, но с небольшим “гей-бонусом”» (С. 73) (например, требуют права заключать брак, но не обязуются придерживаться моногамии и заводить детей). В-четвертых, «геи заставляют гетеросексуалов по-настоящему нервничать» (С. 84): например, сведение существования двух полов к гендерным различиям привело к утверждению, что «гендер не реален, это лишь социальный конструкт или повторяющийся социальный перформанс» (аналогичной «постмодернистской деконструкции» подверглось и понятие расы), а «мужское и женское — это культурные предпочтения» (С. 96).

Очевидно, что все перечисленное «несправедливо» с точки зрения обычного человека, но в академической среде западных вузов, медийной реальности и социально-политическом дискурсе все это представлено как борьба за социальную справедливость в капиталистическом обществе, которое по определению «сексистское и патриархальное, не говоря уже о том, что и расистское» (С. 101). Мюррей полагает, что «оружием (обвинения в расизме, сексизме, гомофобии и трансфобии) [под знаменами борьбы за равные права и социальную справедливость] было слишком легко завладеть, а наказания за несправедливое, необоснованное и даже легкомысленное его использова-

ние не было» (С. 104). Поэтому многие ученые перестали заниматься исследованиями, предпочтя пропаганду «новой ортодоксии» — активизм и политические заявления не просто вытеснили науку, но стали притворяться ею, используя умышленно запутанный стиль «для посвященных». «Популяризаторы теорий социальной справедливости... представили целую библиотеку работ, которые (какими бы они ни были нечитаемыми) представляют интеллектуальную парадигму, с высоты которой можно принимать политические позиции и делать политические заявления... Любому студенту, размышляющему о том, действительно ли мир таков, может быть мгновенно представлена библиотека устрашающих свидетельств того, что абракадабра, которую он никак не может понять, — его вина» (С. 106).

Впрочем, и сам Мюррей впадает в некоторую крайность, утверждая, что одна из причин нынешнего социального безумия — марксистская философия (во всех ее постпроявлениях), стремящаяся к противоречиям. «Любой, кто надеется, что теория интерсекциональности растворится в условиях всех присущих ей противоречий, не знает, какие мириады противоречий марксист может держать в голове одновременно. Идеологические дети политики идентичности и интерсекциональности, похоже, счастливы занимать пространство, заваленное противоречиями, абсурдностями и лицемерием» (С. 103). Это слишком оценочное отношение к собирательному марксисту — и в позитивном смысле (вряд ли можно нормально жить с мириадами противоречий в голове), и в негативном (сомнительно, что во всех абсурдностях жизни виноваты марксисты или их последователи, особенно когда в качестве примера приводится убеждение «фем-исследователей, что жертвам сексуального насилия необходимо верить» — С. 103).

Другие три макрокейса рассмотрены Мюрреем в той же содержательной и оценочной логике. Второй кейс — женщины: сегодня мы живем в «самообмане насчет биологической действительности» — общества уверовали в заблуждение, что «все биологические различия могут отодвигаться в сторону, отрицаться или игнорироваться... мы пытаемся перестроить общества не в соответствии с биологическими фактами, а основываясь на политических фальсификациях, продвигаемых активистами из области социальных наук» (С. 113). Причем нравственную этику и моральный кодекс для отношений полов неожиданно стал диктовать Голливуд, что свидетельствует о «замешательстве эпохи» по поводу возможных ролей женщин («колебания между разворотом и ханжеством») и о попытках установить для взаимоотношений полов некие простые, очевидные и универсальные правила, что невозможно (например, как сочетаются соблазн и манипуляции с «матрицей угнетения женщин», как можно отказаться от сексуализации женщин в культуре, которая требует от них быть сексуальными, и т.д.).

По мнению Мюррея, проблема неравенства не устраняется «позитивной дискриминацией»: продвижение женщин, сексуальных и этнических

меньшинств по карьерной лестнице мало повлияло на «уровень классовой мобильности... все, что удалось, — это построить новую иерархию («кастовую систему состояний угнетения» [4. С. 179])... Главной проблемой является не только то, что теории интерсекциональности укореняются в институциях, не будучи толком продуманными или не имея под собой доказательств..., а в том, что эти новые системы продолжают строиться на групповых идентичностях, к пониманию которых мы еще не приблизились... по поводу которых люди еще не пришли к согласию. Среди них — проблема взаимоотношений между полами и вопросы, которые мы когда-то называли “феминистскими”» (С. 161). Практически добившись успеха в обеспечении таких же шансов женщин на успех в жизни и карьере, как у мужчин, феминизм сначала раскололся на множество движений по частным вопросам, а затем увлекся яркой риторикой («глобальная война против женщин», «вызов патриархату», «все мужчины — мусор», «мужская привилегия», «мэнсплейнинг» и «токсичная маскулинность» — аналогичные обвинения в адрес женщин не допускаются). «Успех феминистских тезисов начал зависеть от искажения и преувеличения заявлений» (С. 168), в результате «мужененавистничество разрушило репутацию феминизма» (С. 179). «Активизму, стоящему на пренебрежительных, ироничных, антинаучных и трудных для понимания основах, сложно быть продуктивным. Людям, которые хотят, чтобы их пол, гендер или сексуальность были приняты в качестве нормы, не помогают и постоянные упоминания о том, что считать что-либо нормальным — уже проблематично» [4. С. 149].

Другой проблемой феминизма Мюррей считает выбранную им стратегию развития: в отличие от борцов за права геев, которые пытались убедить мир в том, что гомосексуальность является врожденным свойством, борцы за женские права, напротив, отстаивали трактовку пола как «повторяющегося социального перформанса», а не биологической данности. В итоге «мы движемся в неверном направлении, и технологии помогают нам двигаться в разы быстрее... Каждый день появляется новый предмет ненависти и морального осуждения... Интернет позволил новым формам травли под прикрытием социального активизма стать лейтмотивом нашего времени... Интернет и социальные медиа ликвидировали то пространство, которое существовало между публичным и приватным языком. Социальные медиа оказались непревзойденным средством для укоренения новых догм и подавления противоположных мнений» (С. 184–186), причем под лозунгами борьбы за социальную справедливость даже в отношении прошлого («факты переупаковываются в моральные прегрешения или даже в акты насилия», т.е. прошлое переписывается).

Третий макрокейс — раса: здесь Мюррей тоже сопоставляет изначальные цели движения за равные права (справедливое обращение с людьми, невзирая на цвет кожи) с тем, во что оно превратилось сегодня (цвет кожи важнее личности). «Как это было и в случае с феминизмом... в тот момент, когда



расовое равенство было большим, чем когда-либо в истории... появилась новая пылкая риторика и новый набор идей. Точно так же, как популярная ветвь феминизма вместо прославления женщин обратилась к демонизации мужчин, часть “черных исследований” начали атаковать людей, цвет кожи которых не был темным. Дисциплина, направленная на дестигматизацию, начала стигматизировать» (С. 211). Мюррей приводит множество примеров распространения расистских терминов, которые делают антирасизм расистским, потому что он отказался от концепции «слепоты к цвету», начал «расовые войны» в мире искусства, борется против «культурной апроприации», квалифицирует современные институции западных демократий, по сути, наименее расистские в истории, как стоящие на пороге расового геноцида, пропитанные явным и неявным расизмом и «белой гегемонией» и т.д. Но невозможно «покончить с расизмом, видя его повсюду» [4. С. 151].

Активисты постоянно «прочесывают прошлое, что приводит не к выработке полезного критического взгляда, а к невротическому страху насчет того, что сегодня можно говорить, а что — нельзя» (С. 237). «Теперь не существует безмятежного занятия или способа провести время, который не способен был бы в любой миг охватить расовый скандал» (С. 247). Мюррей связывает эту ситуацию и смятение всего общества с сосуществованием разных «программ»: с одной стороны, это концепция мира, где для счастья нужно ценить все культуры, и убеждение, что раса и культура — разные вещи; с другой стороны, идеи жестких культурных границ и синонимичности культуры и расы, т.е. «посягательство на чью-то культуру является актом расистской агрессии или “апроприации”», и расовый вопрос стал политическим (С. 258). «Согласно новому определению расизма, имеются в виду не предрассудки по поводу расы, а скорее расистская система, пронизывающая все взаимодействия в обществе, но остающаяся невидимой для всех, кто с не сталкивается с ней на своем опыте или не обучен соответствующим “критическим” методам» [4. С. 15]. Политизацию расовых отношений и идентичностей Мюррей подтверждает «нормализацией мстительности» (карательные настроения относительно прошлого и попытки его переписать), «началом эры возмездия» (обвинение белых людей во всех преступлениях прошлого) и расистскими способами антирасистской борьбы (например, «ветчина» — обозначение «свиноподобных белых людей», краснеющих, чтобы скрыть свою ксенофобию; гарвардский тест на «скрытые предубеждения»; замена позиции «факты неверны» идеей «факты бесполезны» и т.д.).

Вывод Мюррея пессимистичен: «мы создали мир, в котором прощение стало практически невозможным, в котором грехи отца могут быть возложены на сына... мир, где действия могут иметь такие последствия, какие мы никогда не могли себе вообразить, где вина и стыд ближе, чем когда бы то ни было, и где нет никаких средств к искуплению... мир, в котором проявляется один из величайших видов власти — власти осуждать и потенциально разрушать

жизнь других людей по причинам, которые могут быть, а могут и не быть искренними» (С. 308–309).

Четвертый макрокейс — трансгендерность — вызывает у автора наибольший пессимизм и возмущение. Мюррей отмечает, что идею размытости границы между двумя полами можно обнаружить в истории многих культур (от трансвестизма до транссексуальности), и существует легитимное научное понятие интерсексуальности, которое мало кого интересует, тогда как трансгендерность вторгается во многие спорные вопросы, порождая нагромождения логических противоречий. Например, хотя трансгендеров включили в аббревиатуру ЛГБТ, их заявления противоречат убеждениям гей-движения: согласно идее трансгендерности, человек может жить в «неправильном» теле и считать себя представителем другого пола, т.е. важны не врожденные качества, а идентификация. Одним из следствий широкого признания этой идеи стало обвинение феминисток в «постоянном мисгендеринге трансженщин» и «трансфобии» (хотя феминисток смущает, что идея трансгендерности усиливает те социальные стереотипы о гендере, с которыми они боролись). Другое следствие — введение диагноза «гендерной дисфории», благодаря чему даже несовершеннолетние получают доступ к препаратам и процедурам по смене пола вопреки протестам родителей и при поддержке школьного и медицинского сообществ. Следует отметить, что Мюррею удастся избежать чрезмерной оценочности, даже если он считает проблему предельно опасной: «проблема трансгендерности заключается не в неравенстве, а в ложной уверенности, при помощи которой одна из самых загадочных проблем (гендерная идентификация) преподносится как одна из самых ясных и понятных вещей (благодаря гормонам и хирургии)» (С. 393).

Выводы Мюррея в Заключение напоминают об известной «теореме Томаса»: хотя многие западные страны добились успехов в обеспечении гендерного, расового и иных видов равенства, «поборники социальной справедливости» описывают их как расистские, сексистские, гомофобные и трансфобные, утверждая, что эти виды угнетения оплели общества плотной паутиной, и требуя от всех и каждого ее деятельного разрушения. Мюррей не видит столь тесной взаимосвязи перечисленных видов неравенства, поэтому агрессивное ее отстаивание «поборниками социальной справедливости» называет «новой религией» (слепая вера без научных доказательств, сплошные противоречия и путаница). «Основания ее таковы: кто угодно может стать гомосексуалом, женщины, возможно, лучше мужчин, люди могут стать белыми, но не чернокожими, и каждый может сменить пол. Любой, кто не вписывается в эту парадигму, является угнетателем. И все вокруг должно политизироваться» (С. 397).

Впрочем, Мюррей отмечает и нарастание разочарований в «новой религии справедливости» («вероисповедной традиции, враждебной рациональному мышлению, фальсифицируемости, опровержению и несогласию любого

рода» [4. С. 296]), обусловленных, в первую очередь, противоречивостью ее постулатов: например, победы транссексуалов, сменивших пол с мужского на женский, в женских видах спорта нарушают идею равенства полов, а в контактных видах спорта и традиционное убеждение, что «женщин бить нельзя». Мир стал безумен, потому что повсюду появились невозможные (ты должен понять боль угнетенного, но не можешь, потому что ты — не он) и взаимоисключающие (женщина имеет право выбирать семью или карьеру, но материнство — бесполезная «биологическая рутина») требования, иерархия угнетения утратила упорядоченность, активисты видят угнетение даже там, где его нет («группы жертв» часто имеют привилегии, в том числе благодаря позитивной дискриминации). Мы совершенно не понимаем, как на этот мир правильно реагировать, поэтому тратим массу времени и сил на разговоры, размышления и согласования.

Не очень понятны (тематически и контекстуально) отсылки Мюррея к «марксистской подоплеке» нового мира, хотя в конце книги проясняется интенция автора — выстроить столь же всеобъемлющую объяснительную схему, какую предложил марксизм (в его упрощенной трактовке). Описание Мюрреем безумного современного общества (в его британско-американской части) напоминает карикатурные изображения «гнусных капиталистов» в советский период: «Целью борцов за социальную справедливость было брать каждую из проблем — геев, женщин, расовую, проблему трансгендерности — и представлять как ущемление в правах... Их желание состоит не в том, чтобы излечить, а в том, чтобы разделить... Если вы не можете управлять обществом... вы можете попробовать что-то еще... — вы сеете сомнение, раздор, враждебность и страх. Наиболее эффективно вы можете заставить людей сомневаться абсолютно во всем... — хорошо ли вообще общество, в котором они живут... справедливо ли они относятся к другим людям... А затем представить все так, будто у вас есть ответы» (С. 423), хотя нет никаких гарантий, что эти ответы можно воплотить в жизнь (все не могут получать шестизначные зарплаты, работодатель не может обеспечить равное представительство всех рас, гендеров, этносов и сексуальных меньшинств и т.д.) и что они «способствуют достижению целей подлинной социальной справедливости и равенства» [4. С. 21]. В нынешнем активистско-агрессивном формате «социальная справедливость — красивая теория... которая не способна добиться успеха, потому что не согласуется с реальностью и фундаментальными представлениями о справедливости и взаимодействии... это идеалистический метанарратив» [4 С. 332].

Единственный «путь к освобождению от безумия» для Мюррея — это сочетание великодушия (даже к мнимым противникам), деполитизации частной жизни (политика не должна быть источником личных смыслов), баланса в отношении к различиям (между их нелепым отрицанием и губительной гипер-

болизацией) и мысленной работы, потому что «наша эпоха делает некоторые вещи, которые мы бы не стали делать, если бы позволили себе продолжать думать» (С. 447).

Конечно, социологу несколько обидно читать, что «физик-теоретик не может себе позволить писать нечитабельным стилем социальных наук», «ясность и честность мертвы — если и вовсе существовали — в социальных науках», и «можно довериться ученым, а не социологам, и согласиться с тем, что проще сказать, кем люди являются, а не кем они себя называют». Однако Мюррей имеет в виду, что критические исследования социальной справедливости «исходят из теоретической предпосылки, что общество функционирует при помощи систем власти и привилегий, закрепленных в языке, которые создают знание исходя из потребностей привилегированных и отрицают опыт маргинализированных... эти исследования нацелены на борьбу... с любыми аналитическими методами, которые противоречат их предпосылкам или утверждениям, сделанным на их основе» (например, поборники телесной полноты как «нормального принятия себя» не упоминают объективных рисков лишнего веса и ожирения для здоровья) [4. С. 261]. Книга развивает социологическое воображение, показывая, как много теоретико-методологических вопросов можно обнаружить в самых обыденных и/или политизированных явлениях действительности; развенчивает российские телевизионно-пропагандистские стереотипы, показывая, насколько неоднороден Запад с точки зрения происходящих в нем изменений и моделей их осмысления; и, наконец, можно поспорить с предвзятым отношением автора к социальным исследователям, при этом приняв во внимание те ошибки социальных наук, которые названы им совершенно справедливо.

#### **Информация о финансировании**

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия»

#### **Библиографический список**

1. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2014.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
3. Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности / Под ред. и с введ. С. Мэсидо. М., 2017
4. Плакроуз Х., Линдси Дж. Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. М., 2022.
5. Проди П. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017.
6. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
7. Сен А. Идея справедливости / Науч. ред. В. Софронова, А. Смирнова. М., 2016.
8. Троцук И.В. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1.

9. Троцук И.В. Текстовый анализ в социологии: проблемы и обещания разных типов «чтения» слабоструктурированных данных. М., 2014.
10. Филипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х., 2004.
11. Штомпка П. Справедливость // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-426-438

## Unfair justice, or how social activism destroys the ideas of equality and ‘good society’\*

I.V. Trotsuk

RUDN University

*Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

*Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia*

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru)

**Abstract.** The article is a review of the book by Douglas Murray *The Madness of Crowds* (translated from English by N.A. Lomteva; Moscow: RIPOL classic, 2021. 480 p.). Although this does not follow from the title (as in the book by H. Pluckrose and J. Lindsay on the same topic and with the same estimates *Cynical Theories. How Activist Scholarship Made Everything about Race, Genders, and Identity* — and *Why This Harms Everybody*), the book focuses on the idea of social justice or rather its transformations due to the blurring boundaries between academic research and social activism, private and public life, past and present (in their media representations). On the example of several macro-cases, typical and obvious for the Western society, but well known to the Russian reader through the media-discourse rhetoric, the author identifies the consequences for the ‘objective’ state of social justice of such radical changes in its interpretations as the transition from idealistic-philosophical (social level) to punitive-politicized (the level of groups and communities, including personal responsibility) definitions.

**Key words:** justice; theories of justice; just society; problem of inequality; fight for rights; ‘new religion of justice’; discourse; feminism; racism; gender

### Funding

The article was prepared with the support of the RFBR. Project No. 20-011-00307 “Subjective and objective dimensions of happiness: Justice as a criterion of personal and social well-being”

---

\*© I.V. Trotsuk, 2022

*The article was submitted on 01.02.2022. The article was accepted on 07.04.2022.*